

С. В. Абысова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

ПРИЕМ ПОВТОРА В АЛТАЙСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Аннотация. Алтайские героические сказания являются уникальными памятниками эпического наследия народа. Они выступают как культурный код, сохранивший своеобразие национальной картины мира, традиций народа, а также особенностей его поэтического языка. Вместе с тем алтайский эпос имеет много общего и отличительного в сравнении с эпосом других тюркоязычных народов. Изучение своеобразия эпического стиля представляет особый интерес для фольклористики. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью стилизованных особенностей героических сказаний алтайцев. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассматриваются повторы и его виды как стилизованные явления народной поэтики. Цель данного исследования состоит в изучении повторов как стилизованного явления в алтайском эпосе. Источниками для исследования послужили героические сказания, опубликованные в серии «Алтайские богатыри». Важным критерием отбора источников для исследования стало наблюдение данного явления в аутентичных текстах, где в большей степени сохранены особенности живой речи сказителя. Исследование основано на анализе алтайских героических сказаний, записанных от разных сказителей, а также других фольклорных источников. В работе были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, позволившие охарактеризовать рассматриваемое явление.

В результате исследования выявлены и описаны виды повторов, встречающиеся в алтайском эпосе; определены их основные функции. Установлено, что повтор в фольклорном тексте является важным и многоаспектным явлением. В героических сказаниях он проявляется на разных уровнях. Различаются повторы отдельных слов и словосочетаний, фраз и целых эпизодов. По частоте употребления выявлены повторы двукратные, трехкратные и более. Повторы встречаются в пределах строки, в начале, конце или на стыке стихотворных строк, образуя такие стилистические фигуры как анафора, эпифора и эпанафора. Каждый вид повтора выполняет определенную функцию в тексте. Исследование показало, что функционирование повторов в героических сказаниях различается по активности их употребления сказителями.

Ключевые слова: эпос; эпическая традиция; героическое сказание; повтор; подхват; стилизованное явление; функция; слово; фраза; эпизод; рифма

Для цитирования: Абысова С. В. Прием повтора в алтайских героических сказаниях. Эпосоведение. 2024, № 1. С. 57–69. DOI: 10.25587/2782-4861-57-69

S. V. Abysova

S. S. Surazakov Scientific Research Institute of the Altaistics

The technique of repetition in Altai heroic tales

Abstract. Altai heroic tales are unique monuments of the people's epic heritage. They act as a cultural code that preserved the originality of the ethnic worldview, traditions of the people, as well as the peculiarities of their poetic language. At the same time, the Altai epic has much in common and peculiar in comparison with the epics

© Абысова С. В., 2024

© Abysova S. V., 2024

АБЫСОВА Сурлай Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия. ORCID: 0009-0009-1132-205X. E-mail: surlai@mail.ru

ABYSOVA Surlai Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics, Gorno-Altai, Russia. ORCID: 0009-0009-1132-205X. E-mail: surlai@mail.ru

of other Turkic-speaking peoples. The study of the epic style originality is special interest for folkloristics. The relevance of this study is determined by the insufficient study of style features of the Altai people's heroic tales. The scholarly novelty of the work consists in the fact that it is the first to study the types of repetition as one of the stylistic phenomena of the Altai epic. The purpose of this research is to study repetition as a stylistic phenomenon of folk poetics. The sources for the study were the heroic tales published in the series "Altai Bogatyrs". An important criterion for selecting sources for the study was the observation of this phenomenon in authentic texts, where the features of the narrator's living language are preserved to a greater extent. The study is based on the analysis of Altai heroic tales from different narrators and other folklore sources. The descriptive method, methods of comparison and generalization were also used in the work.

As a result of the study, the types of repetitions found in the Altai epic were identified and described; their main functions were defined. It is established that repetition in folklore text is an important and multidimensional phenomenon. In heroic tales it is manifested at different levels. Repetitions of individual words and word combinations, phrases and whole episodes are distinguished. According to the frequency of use, there are twofold, threefold and more repetitions. Repetitions occur within a line, at the beginning, end or at the junction of poetic lines, forming such stylistic figures as anaphora, epiphora and epanaphora. Each type of repetition fulfills a certain function in the text. The study has shown that the functioning of repetitions in heroic tales differs in the activity of their use by narrators.

Keywords: epic; epic tradition; heroic tale; repetition; anadiplosis; style phenomenon; function; word; phrase; episode; rhyme

For citation: Abysova S. V. The technique of repetition in Altai heroic tales. *Epic studies*. 2024, no. 1. Pp. 57–69. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-57-69

Введение

Повтор как стилевое явление народной поэтики, используемое в алтайских героических сказаниях, вызывает особый научный интерес. Исследователи неоднократно обращались к приему повтора в связи с изучением вариантов героических сказаний, эпического стихосложения и явлений стилевого варьирования. Вместе с тем, повтор до сих пор остается малоизученным явлением устной традиции. Целью данной работы стало изучение повтора как стилевого явления в алтайском эпосе. В связи с поставленной целью решались следующие задачи: осуществить выборку повторов в текстах эпических сказаний; выявить и охарактеризовать виды повторов; обобщить полученные результаты.

В исследовании применен комплексный подход, позволяющий рассматривать явление повтора «как часть целостной стилистической системы, как элемент функциональный, целенаправленный, осмысленный малым и большим контекстом» [1, с. 71]. Методом сплошной выборки были отобраны случаи различных повторов в тексте эпических сказаний. В работе использован сравнительно-сопоставительный метод, позволивший выполнить обработку и систематизацию полученных материалов, выявить общие и специфические особенности рассматриваемого явления. Основным методом исследования является описательный метод, который позволяет охарактеризовать виды повторов в эпическом тексте.

Источниковой базой исследования стали эпические сказания, опубликованные в многотомной серии «Алтайские богатыри» («Алтай баатырлар»). Отметим, что большая часть произведений, включенных в I–XI тома серии, были подвергнуты литературной обработке. Сказания в записи В. В. Радлова во втором томе указанной серии («Тектебей-Мерген» и «Кан-Бюдей» («Кан-Бүдей»)) были опубликованы с существенной доработкой. Литературную обработку прошли также тексты сказаний «Катан-Кёкшин и Катан-Мерген» («Катан-Кёкшин ле Катан-Мерген») Н. Ялатова, «Шулмус-Шуны» И. К. Какпакова, «Алып-Манаш» Н. Улагашева. Сказание «Кан-Капчыкай» в самозаписи А. Чунжекова было опубликовано с сокращением. Опубликованные в последующих томах «Алтайских богатырей» сказания не были подвергнуты литературной обработке и опубликованы в том виде, в котором были зафиксированы собирателями фольклора. Тексты, изданные по этому принципу, имеют особую ценность в том плане, что

в них живая речь сказителя сохранена в наибольшей степени. К ним относятся героические сказания «Кан-Капчыкай» А. Калкина, «Кан-Джелбекей» («Кан-Желбекей») Е. Таштамышевой, «Кара-Бёкё» («Кара-Бёкё») К. Кокпоевой, «Кан-Джекпей» («Кан-Жекпей») Ч. Бутуева. Примеры, приведенные из названных произведений, были переведены на русский язык с сохранением последовательности слов в стихотворных строках, что позволяет продемонстрировать позицию повторов в эпических текстах.

История изучения

Одним из первых на повторы в тюркской эпической поэзии обратил внимание В. В. Радлов, который выявил формульные изображения, определив их как «готовые частички картины», соединяющиеся и повторяющиеся в эпосе «по ходу обстоятельств» [2, с. 16]. Формульные повторения различных описаний (характеристика местожительства героя, его дворца, сборов героя в путь, его оружия и доспехов, коня и т. п.) как общие «трафаретные места» отмечал Н. Н. Поппе в халха-монгольском эпосе [3, с. 108]. Повторы, функционирующие на уровне эпизодов и поэтических формул в эпической традиции алтайцев, рассматривались в работе И. В. Пухова [4, с. 44]. С. Ю. Неклюдов определял их как «конструктивные блоки», из которых складывается основное действие эпоса, и они всегда повторяются с небольшими пропусками [5, с. 50]. Характерность таких повторов для эпоса тюрко-монгольских народов подчеркивал Е. М. Мелетинский, наблюдая их в сказаниях шорцев, алтайцев, тувинцев и других саяно-алтайских тюрков [6, с. 295]. Особую роль повторов «общих мест» В. М. Жирмунский увидел в сохранении преемственности сказительского искусства [7, с. 262–263]. На эту функцию повторов указывали также А. Лорд и Б. Н. Путилов в исследованиях по эпосу [8; 9]. Повторам свойственен шаблонный характер. Абсолютно полные повторы К. Райхл назвал «клишированными стихами» и «клишированными двустихиями» (или «трехстихиями») [10, с. 196–197].

Особенности функционирования повторов рассматривались в исследованиях по алтайскому фольклору. Повтор целых эпизодов в алтайском эпосе отмечал С. С. Суразаков, изучая сюжеты и варианты алтайского эпоса «Алтай-Буучай». Он утверждал, что многие повторения и сходства (особенно в поэтических оборотах речи, в «общих местах» и т. д.) могут быть характерны для всего алтайского эпоса и для эпоса вообще [11, с. 15]. Повтор как прием, создающий особый ритмический рисунок эпического текста, анализировался в исследовании С. М. Каташева по изучению рифмы в героическом эпосе [12, с. 55]. Использование повторных портретных описаний героев и диалогов отмечалось также в работе И. Б. Шинжина как неотделимая часть композиции всего сюжета эпоса [13, с. 46]. Особенности использования повтора-подхвата в эпосе тюркоязычных народов были рассмотрены в работе А. В. Кудиярова, где подхват представлен *характерной стилиевой приметой* именно устного повествования, устного сочинительства и прежде всего *сказительства*, как метода сложения и исполнения эпического произведения устным путем, его последующего изустного восприятия и воспроизведения распространителями и продолжателями эпической традиции [14, с. 40]. Эти положения были поддержаны в исследовании А. А. Конунова при изучении стилиевой варьирования в героических сказаниях Н. У. Улагашева [15].

Исследования показывают, что повтор является распространенным и многоаспектным явлением. В широком понимании он представляет собой приём в художественной речи, заключающийся в повторении одинаковых звуков, слов или их сочетаний, синтаксических конструкций, образов и ситуаций. В поэтическом тексте повтор выступает в качестве приема композиционного членения, связывания словесного материала и выполняет архитектурную функцию и функцию сцепления, а также признается важным структурообразующим и связующим фактором в фольклорных текстах [16, с. 97]. Согласно З. П. Куликовой, повторы проявляются на всех языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексическом, семантическом, синтаксическом, лексико-синтаксическом [17, с. 7–12]. Исследователи изучают повторы в связи с позицией, занимаемой ими в тексте. Рассматривая позиционно-лексический повтор как

стилистическое явление, А. П. Сковородников называет его основные функции: повторы единиц текста актуализируют значимость этих единиц, выделяют главную идею, существенные детали, подчёркивают рему высказывания, служат для интенсификации действия, для синтаксического распространения высказывания и т. д. [18, с. 71–76]. С точки зрения К. Райхл, повторы влияют на восприятие повествования слушателями. Они «помогают донести до слушателя содержание отрывка, создать нужное настроение или просто доставить слушателям удовольствие, продлевая пение. Слушателю, в отличие от читателя, повторение не кажется утомительным, напротив, некоторая избыточность помогает ему следить за развитием сюжета» [10, с. 243].

Виды повторов в алтайском эпосе

Повтор в героических сказаниях алтайцев прослеживается на разных уровнях эпического текста – в композиции, поэтике, образной системе. По числу воспроизводимых единиц различаются повторы отдельных слов и словосочетаний, фраз и целых эпизодов.

Словесные (лексические) повторы нередко используются в пределах одной эпической строки, придавая особую мелодичность стиху. Распространёнными являются дву- либо трехкратные повторы слов *озо* ‘давно’, *эрте* ‘раньше’ в инициальной части многих эпических произведений. Например, А. Г. Калкин начинает сказание «Кан-Капчыкай» со следующих строк: *Озо, озо, озо тушта, / Отурган калык жок тужында, / Эрте, эрте, эрте тушта, / Эмди бистер жок тужында...* [19, с. 10] ‘**Давно, давно, в давнюю** пору / Когда сидящего [здесь] народа не было, / **Раньше, раньше, в раннюю** пору, / Когда нынешних нас не было...’¹.

Схожая поэтическая формула использована в начале сказания Ш. Ялатова «Катан-Кёкшин и Катан-Мерген» [20, с. 204]. Повтор, придающий определенный ритм данной формуле, отличается особой устойчивостью в устной поэзии алтайцев. Она популярна не только в героических сказаниях, но также часто встречается в зачинах алтайских народных сказок и произведениях несказочной прозы. Приведем пример использования данной формулы в алтайской сказке «Кукушка» («Күүк»): *Озо-озо, озо чакта, отурган улус жок тушта, эрте-эрте, эрте чакта эмдиги улус жок тушта, жажыл жарап Алтайда ан-куштардын кааны болгон Кан-Кереде казыр куш бастыра куштардын жуунын жууган эмтир* [21, с. 202–203] ‘**Давно-давно, в давнем** веке, когда сидящих здесь людей не было, **раньше-раньше, в раннем** веке, когда теперешних людей не было, на зелёном красивом Алтае слышавший царём всех птиц грозный Кан-Кереде, оказывается, созвал всех птиц на собрание’. Устойчивость трехкратного повтора в данной формуле прослеживается также в легенде о Всемирном потопе «Потоп» («Чайык»): *Озо-озо, озо чакта јер түс болгон дежер* [22, с. 44] ‘**Давно-давно, в давнем** веке земля ровной была, говорят’.

В эпических сказаниях повторы слов встречаются также в середине и конце стихотворных строк. На основе таких видов повторов образуется синтаксический параллелизм в эпическом тексте. Повтор слов с синонимичной семантикой *јер*, *алтай*, под которыми понимается часть территории, используется в сказании «Кан-Джелбекей»: *Караты-Кааннын јерине бар кирерде, / Јеринен јер сурап, / Алтайынан алтай сурап, / Ак тайганын бажына / Чыгын көрөр болзо, / Ийт башту ньаман оол / Карды ырып келип јатты* [23, с. 182] ‘Когда на земли / Караты-Каана вступил, / От **земель** его **земли** попросив, / От **алтая** его **алтай** попросив, / На вершину белой горы / Поднявшись, посмотрел, / С собачьей головой плохой сын / По снегу [сюда] тропил’. Повторение в синтаксических параллелизмах слов, синонимичных по своему значению, выполняют важную роль в передаче семантической нагрузки. В этом плане исполнение эпоса с подробными эпическими описаниями, замедленным развертыванием действия, сохранением всех поэтических деталей и повторов улаганскими сказителями было замечено С. С. Суразаковым при сравнительном анализе вариантов сказания «Алтай-Буучай» [11, с. 9]. Частота словесных повторений, по мнению В. М. Жирмунского, указывает на архаичность поэтического стиля: «Вообще повторения и синтаксический параллелизм соседних стихов играют важнейшую

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи

организирующую роль в метрической композиции, в особенности в архаических формах стихотворного повествования...» [7, с. 235]. Из всего вышесказанного следует, что множество повторяющихся единиц в эпических текстах алтайцев указывает на сохранность его архаической формы и традиций исполнения.

Особую роль словесные повторы играют в структуре эпического стиха. Повтор слова в начале эпических строк образуют анафору – начальную рифму, выполняющую «ритмическую функцию». Как отмечает С. М. Каташев, в начале строк могут выступать различные части речи, но излюбленными повторами сказителей, по его мнению, являются местоимения и числительные [12, с. 55].

В алтайской эпике наиболее распространены повторы в начале двух стихотворных строк: *Алама-шикир аш јазаган, / Эт-жилик кайнаткан, / Алтын столго чого салган, / **Эли-жонын** кўндўлеп отурат. / **Эли-жонын** башкараачы / Торжын-Бёкё баатыр болтыр...* [19, с. 7] ‘Вкусную-сладкую еду приготовив, / Мясо и костный мозг сварив, / На золотой стол горкой выложив, / **Народ и племена** свои угощает. / **Народ и племена** возглавивший / Тордьын-Бёкё баатыр оказывается...’. Однако, отмечается и большее количество повторов: *Куу баишту ийттердин / **Эки** бажын оодо адат. / Эмди көрўп турар болзо, / **Эки** ийттинг бажынан / **Эки** камдунын балазы чыгат. / **Эки** тайгыл келеле, / **Эки** камдуны тудуп алып, / Катан-Мергенге јетирип келет* [20, с. 610] ‘[Двум] псам с голыми черепами / **Два** черепа выстрелом разбивает. / Теперь смотрит: / Из **двух** черепов [тех] псов / **Два** детеныша выдры выходят. / **Два** тайгыла, прибежав, / **Двух** выдр поймав, / Катан-Мергену доставляют’.

Согласно мнению В. М. Жирмунского, «конечная рифма, первоначально свободная в своем расположении, развивается из повторения и синтаксического параллелизма» [7, с. 235]. Таким образом, повторы слов способствуют также образованию конечной рифмы – эпифоры: *Ак малыгар керек јок, / Албаты-жоныгар керек јок, / Тогуз кезеригер керек јок, / Тогуз баатырыгар керек јок, / Ар-јёёжёгёр керек јок* [24, с. 36] ‘Белый скот ваш **не нужен**, / Народ ваш **не нужен**, / Девять кезеров ваших **не нужны**, / Девять баатыров ваших **не нужны**, / Несметное богатство ваше **не нужно**’. Следует отметить, что в алтайском эпосе «цепочки стихов», которые объединяются повторяющимися в конце стиха словами, являются частым явлением.

Повтор в эпическом тексте выступает как средство эмоционально-экспрессивного выражения. Они выполняют важную роль в изображении психологического состояния эпического героя. Кайчы использует повторы неоднократно, чтобы передать глубину переживаемых ситуаций. Так, рассматривая стилистику эпоса, В. М. Жирмунский отмечал, что «типический характер в эпосе имеют повторяющиеся стилистические формулы – гнева героя, душевного волнения и радости и т. п.» [7, с. 237]. В алтайском сказании «Алып-Манах» много раз повторяющееся слово *ачу* ‘горько’, усиливает чувство горести эпического героя и передает его психологическое состояние: *Ай канатту карчагазы / **Ачу, ачу** акиып этти. / Арсыл тайгыл ийттери / **Ачу, ачу** улуп ўрдилер. / Кўмўш кўрен ат / **Ачу, ачу** киштеди, / Кўлер-бий каан бойы / **Ачу-корон** кыйгырды* [25, с. 56] ‘С луновидными крыльями ястребы его / **Горько, горько** заклёкотали. / Клыкастые сторожевые собаки его / **Горько, горько** завывая, залаяли. / Серебристо бурый конь / **Горько, горько** заржал. / Кюлер-бий хан сам / **Горько-злобно** закричал’. Использование повторов в красочных и эмоционально насыщенных изображениях людей и событий являлось свойственным алтайскому эпосу.

Повторение усиливает семантику употребляемых эпитетов, подчеркивает конкретную деталь, которая играет особую роль в изображении эпических картин. В сказании «Кара-Бёкё» сказительницы К. Кокпоевой повтор используется для подчеркивания качественных признаков предметов: *Тоонул, тоонул тыттар турды, / **Тонкур, тонкур** тўнғиштёр отуры* [26, с. 258] ‘**Высокие, высокие** лиственницы стоят, / **Гладкие, гладкие** пни сидят’. Сочетание двух стилистических приемов – повтора и антитезы – в данном примере создает резкий контраст, тем самым привлекая внимание к изображаемой картине. В тексте этого же сказания повторяются со-

четания слов, указывающие на состояние, в котором пребывает герой. При этом повторяющаяся конструкция передает противоположность видимого состояния. Так, кажущееся бодрствование (*мен ойгу, мен ойгу* ‘я бодрствую, я бодрствую’ или *уйуктабагам, уйуктабагам* ‘не сплю, не сплю’) противопоставляется пребыванию в глубоком сне. Прием повтора здесь применяется в прямой речи, когда старушка дает подсказку *баатыру*. Сказительница посредством повтора акцентирует то, на что *баатыр* должен обратить внимание при выполнении сложного задания: *Мындый сүме айтты: / «Түннинг тал ортозында / Мен уйуктап калдым, / Уйуктап калдым деер, / Ол тужунда ойгу болор, / Таннын алдында / Мен ойгу, мен ойгу деер, / Ол тужунда уй-куда болор, / Онойып јадатан неме болор. / Уйуктабагам, уйуктабагам деп јадарда, / Сайзан жараар, / Алтай туудын ээзи болор ол...»* [26, с. 250] ‘Такую хитрость подсказал: / «В середине ночи / Я **заснул**, / **Заснул** скажет, / В то время бодрым будет, / Перед рассветом / Я **бодрствую**, я **бодрствую** скажет, / В то время спящим будет, / Так существо / Когда **не сплю**, **не сплю** говорит, / Если вонзишь, / Алтайских гор дух-хозяин будет он...’». Следовательно, повтор применяется и для акцентирования важных сюжетных коллизий при изображении героических поступков *баатыра*.

В эпических текстах применяются повторы отдельных словосочетаний и фраз. Повторы словосочетаний схожи со словесными повторами и также образуют начальную рифму: *Ўч койон мантап чыгарда, / Ўч койонды жаңыс окло катай аткан...* [19, с. 11] ‘**Три зайца**, когда выбежали, / **Трёх зайцев** одной стрелой вместе подстрелил...’.

По количеству повторяемых слов отдельно выделяются повторы на уровне фраз. Они используются для изображения продолжительности и неоднократности повторяющихся действий в сказании А. Г. Калкина «Маадай-Кара»: *Онон ары барып јатса, / Јол ортодо эмеен-өббөн эки кижги / Эски койдын ол терезин / Төжөнөлө, јамынып алган, уйуктап јадат. / Бир[ү]зи айдат: «Сен јамын» – деп, / Бир[ү]зи айдат: «Сен јамын» – деп, / Бой-бойлорын кымып турат <...> Онон ары барып јатса, / Јол ортодо эмеен-өббөн эки күлүк / Бир койдын терезин блаажып, / Бирүзи болзо бойына тартып, / Бирүзи болзо бойына тартып, / Согужып турар јанду болтыр* [27, с. 196–197] ‘Когда дальше направился, / Посреди пути жена с мужем – два человека / Старую баранью шкуру / Постелив, [ею же] укрывшись, спят. / **Один говорит: «Ты укрывайся» – сказав, / Один говорит: «Ты укрывайся» – сказав, / [Так] друг друга подтыкают [шкурой] <...> Когда дальше направился, / Посреди пути жена с мужем – два **кюлюка** / Одну баранью шкуру выхватывая, / **Один к себе притягивая, / Один к себе притягивая**, / Дратся должны оказывается’.**

Каждый сказитель мог использовать только ему свойственные фразы, обороты речи, поэтические средства. Индивидуальность сказительского искусства выражается, в частности, посредством узнаваемых фраз, которые нередко повторяются сказителем в его репертуаре. На эту особенность в творчестве сказителей обратила внимание З. С. Казагачева, исследуя особенности эпического языка сказителей: «При всем обилии сходных на уровне художественной синонимии спрессованных веками изобразительно-выразительных средств, тексты каждого сказителя отличаются стилистикой, богатством и разнообразием форм живой народной речи» [28, с. 90].

Повтор в эпических сказаниях используется в более широких масштабах – на уровне композиции и сюжета. Целые эпизоды и устойчивые формулы наблюдаются при изображении многих картин, описании эпического героя и его деяний. Подобные повторы на сюжетно-композиционном уровне могут использоваться в неизменном виде, а также с небольшими варьированиями. При этом отклонения от клише или трафаретности допускаются с определенной целью. Согласно В. М. Жирмунскому, молодой ученик «должен усвоить себе, что определенные места в эпосе постоянно повторяются, что они могут встречаться и в других эпосах; вместе с тем ученик не может не заметить, что хороший, опытный певец умеет в эти часто повторяющиеся места вносить известные оттенки, разнообразить их и всячески оживлять» [7, с. 262–263].

Рассуждая об искусстве сказителя, А. Лорд отмечает присущую гибкость традиционных элементов: «Искусство сказителя состоит не только в заучивании путем многократного повторения затасканных формул, сколько в способности по образцу уже имеющихся формул составлять и перестраивать обороты, выражающие данное понятие» [8, с. 15]. Эта мысль также отражена в работе Б. Н. Путилова, который, исследуя процесс обучения и воспитания эпического певца, отмечает, что изучение «общих мест» и «украшений» – фигуральных выражений является одной из важных этапов становления сказителя [9, с. 33]. Поэтому в повторах нередко наблюдаются изменения грамматических форм слов, их морфологических признаков. Однако, даже абсолютно полные повторы «обладают особым звучанием и, вызывая в памяти те или иные явления природы, подчеркивают настроение фрагмента» [10, с. 196–197]. Неоднократные повторы создают некоторое напряжение в сценах богатырских сражений. Повторяемые эпизоды при изображении каждой отдельной ситуации создают именно ту атмосферу, тот настрой и те ощущения, которые необходимы для сюжета.

Одним из стилистических средств алтайского эпоса является повтор-подхват. В исследованиях он рассматривается как разновидность повтора, который представляет собой эпанафору. К нему также применяется термин анадиплосис/анадиплосис (от греч. *anadiplosis* означает ‘удвоение’), определяемый как «стык, подхват, повтор последнего слова (группы слов) стиха или колонна в начале следующего» [29, с. 22]. Анадиплосис понимается как стилистическая фигура, заключающаяся в повторении конечного элемента (звука, слога, слова или сочетания слов) какого-либо отрезка речи (предложения, стихотворной строки и т. д.) в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи [30, с. 33].

Рассмотрение исследователями подхвата или анадиплосиса в эпической традиции показало, что подхват может выступать не только стилистическим средством, но как один из видов повторов, применяется в качестве особого механизма памяти при устной передаче значительного объема информации. А. В. Кудияров полагал, что в становлении этого стилистического явления в народном эпосе ключевую роль сыграла особенность механизма памяти при устной передаче значительного объема информации, каковым является эпический текст. Он утверждал: «Подхват служил при этом своеобразной мнемонической “точкой опоры”, закреплявшей нить повествования и вместе с тем сообщавшей движение ему, позволяя последовательно, “плавно” переходить от одного события к другому, от одной темы к другой, придавая известную стройность, а местами и торжественную приподнятость изложению» [14, с. 40]. Согласно этому утверждению в исследовании по алтайскому эпосу А. А. Конунов отмечал, что «повтор слова, а точнее окончания фразы, в начале следующей позволял при исполнении сказания не терять нить повествования, последовательно переходить от одного события к другому, от одной темы к другой [15, с. 25].

Повторы-подхваты в героическом эпосе алтайцев встречаются в разных вариантах. От обычных повторов их отличает место употребления в эпическом стихе. Само название «подхват» хорошо отражает сущность этого стилистического явления: конец стиха (фразы) как бы подхватывается, повторяясь в следующем стихе или фразе [14, с. 39]. В этом плане одна из функций данного вида повтора подробно рассмотрена в исследовании Ю. П. Борисова, где анадиплосис представлен как средство когезии, отражающее локативно-темпоральные связи в эпическом повествовании [31, с. 9–20].

Сказительское искусство отличается своей индивидуальностью. С этой точки зрения подхват служит для придания речи образности и выразительности, передавая своеобразие поэтических приемов сказителя. Их использование может выступать как свидетельство сказительского мастерства, если учесть, что в эпическом тексте выявляются разнообразные виды и функции подхватов. По количеству слов подхваты могут быть однословными или составными, состоящими из нескольких слов, образующих словосочетания и фразы. По составу слов различают

подхват именной или глагольной. По месту и форме употребления выделяют подхват парный, прерывистый, суммирующий.

Однословные подхваты в алтайском эпосе могут быть выражены как именными, так и глагольными словоформами. Они могут состоять как из имен, так и глаголов. Однако, как отмечают исследователи тюркского эпоса, односоставные подхваты встречаются редко. Чаще всего они употребляются вместе с зависимыми словами, и это характерно глагольным подхватам [14, с. 41].

Однословные именные подхваты заключительного слова в начале следующей строки в эпосе алтайских сказителей употребляются довольно редко. Это обстоятельство объясняется особенностью тюркских предложений, которые заканчиваются обычно сказуемыми. Именные подхваты состоят из имен собственных и существительных (последние, как известно, вместе с прилагательными и числительными объединяются в лингвистике общим названием *имя*, противопоставляясь глаголу и наречию) [14, с. 46].

Наблюдения по использованию данного стилистического явления в алтайских героических сказаниях показывают, что слова, используемые в односложных именных подхватах, имеют свойство менять грамматическую форму. Приведем пример из сказания «Маадай-Кара» кайчы А. Г. Калкина, где имя существительное третьего лица в повторе употребляется в первом лице: *Тогзон јылдын ол дор тойы / Той болбостон эм токтоды, / Јетен јылдын бу јыргалы / Јыргал болбой, ол токтоды* [27, с. 175] ‘На девяносто лет [намеченная] та свадьба [её], / Свадьбой не став, теперь прекратилась. / На семьдесят лет [задуманное] это гуляние [её], / Гулянием не став, оно прекратилось’.

При изображении динамической картины в эпическом повествовании чаще используются глагольные подхваты. А. В. Кудияров отмечал, что подхват в анализируемых произведениях носит в большинстве своих проявлений *глагольный* характер, чем объясняется средоточие его в их фабульной части, повествующей о *событиях и действиях*, поступках персонажей. Глагольный же характер подхвата обусловлен, в свою очередь, структурной особенностью тюркских и монгольских языков – постоянным местом сказуемого в конце предложения или в конце оборота [14, с. 40]. В алтайском эпосе также отмечается глагольный характер повторов-подхватов [15, с. 25].

Глагольные подхваты включают простые, сложные и составные глаголы. Рассмотрим несколько примеров глагольного подхвата: *Ачу-коронго тўшкен уулчак / Ыйлап, сыктап, база берди. / Басты ла басты, / Басты ла басты. / Барып јатса, кандый да неме / Калыраганы угулды* [32, с. 39] ‘В беду попавший мальчик / Плача, рыдая, **пошел**. / **Шёл и шёл**, / **Шёл и шёл**. / Когда шёл, какое-то непонятное / Громыканье послышалось’. В данном примере прием подхвата передает продолжительность совершаемого действия. Попавший в беду герой направляется неизвестно куда. Его долгое хождение выражается через подхват глагола *басты* ‘ходил’, повторяющегося четыре раза в пределах двух поэтических строк. Такие примеры использования стилистического средства можно рассматривать как глагольный подхват простой формы.

Подхват осуществляется с помощью составных глаголов, включающих два и более компонентов. Например, в отрывке, взятом из сказания «Кан-Капчыкай», использованы разные глагольные формы: *Оны угала, Кан-Капчыкай / Ол ўч койонды албай, / Айлына кӧндўре јанып ийди. / Јанып келеле, / Ада-энезинег сурады...* [33, с. 12] ‘Это услышав, Кан-Капчыкай / Тех трёх зайцев не забирая, / В айыл свой прямиком **возвращался**. / [Домой] **вернувшись**, / У отца и матери своих спросил...’. Отрывок повествует о том, что герой направляется домой – *јанып ийди* ‘[домой] возвращался’, действие выражено составным глаголом в прошедшем времени. В последующей строке действие подхватывается деепричастным оборотом *јанып келеле* ‘[домой] вернувшись’.

Похожие по структуре повторы наблюдаются также в сказаниях других сказителей. Можно приводить много подобных примеров подхвата с использованием глаголов, отличающихся по

грамматическим признакам. Изменение грамматической формы на месте стыков происходит во втором сегменте, где слово употребляется в другой форме. Так, например, глагол *бакпаза* с отрицательным значением в условном наклонении подхватывает раннее употребленный глагол *баксын* в повелительном наклонении: *Олор бисти баксын деген, / Бакпаза, жуулаарыс деген* [27, с. 15] ‘Они нас **подчиниться** приказывали, / Если **не подчиняться**, завоюем говорили’.

Наши наблюдения показывают, что в алтайском эпосе компоненты приема подхвата не всегда располагаются в конце первой и начале второй поэтических строк. Зачастую повтор-подхват используется в пределах одной стихотворной строки. В устной форме их разделяет пауза, в печатном тексте – пунктуационный знак: *Эт быжып ла келерде, / Бийе ийт башту тенек оол / Турала, каап-жап салды, / **Жип ийди. Жип ийерде**,...* [23, с. 187] ‘Когда мясо едва сварилось, / Тот собакоголовый глупый парень / Встал, выловил [мясо], / **Съел. Съел**, когда...’.

Повторяемые в анадиплосисе глаголы употребляются вместе с зависимыми словами, составляя группу сказуемого. Например, в сказании «Кан-Джекпей» при описании пути героя, отправившегося на сватовство, глагол употреблен со словами *ол онойдо* ‘он так’: *Онон ары барып жатты. / Ол онойдо барып жатса...* [34, с. 18] ‘Далее **поехал**. / Когда он так **ехал**...’. Использование группы сказуемого здесь продиктовано дальнейшим развитием сюжета и показывает непрерывность совершаемого действия. Кроме того, зависимые слова здесь служат особенностям эпического стихосложения, требующего равное количество слогов для ритма и благозвучия поэтических строк. В этом случае художественно-функциональное назначение подхвата состоит в том, что он служит ритмо-мелодическим средством [14, с. 45].

Прием подхвата или анадиплосис в алтайском эпосе может быть выражен повтором целой эпической строки. Такой вид подхвата встречается в сказании А. Г. Калкина «Маадай-Кара», в котором сказитель дважды повторяет строку с изображением богатырского предмета *жетен пуд-ы жес токпок* ‘семидесятипудовая медная палица’: *«Жетен пуд-ы жес токпогын алды. / Жетен пуд-ы жес токпогы...»* [27, с. 167] ‘Семидесятипудовую медную палицу взял. / Семидесятипудовой медной палицы...’. Применение подхвата усиливает гиперболический образ и акцентирует внимание слушателя не только на предмете, но и на исключительные способности *баатыра*.

Подхваты, функционирующие на уровне фразы, встречаются на стыке прямой речи и авторского повествования. Повторяемая фраза в первой части принадлежит эпическому герою, затем подхватывается повествователем: *«Ўч айунын өргөдзин / Ўч айланып чабайын» – деди. / Ўч айунын өргөдзин / Ўч айланып чаап, / Камчызыла камчылап турды* [35, с. 31] ‘«Трёх медведей дворцы / Трижды обойдя, ударю» – сказал. / Трёх медведей дворцы / Трижды обходя, ударял, / Плеткой своей бить стал’.

Исследователи эпоса отдельно рассматривали прерывистый подхват, в котором два компонента – подхватываемая и подхватывающая фразы – обособляются друг от друга. А. В. Кудияров считает данный вид подхвата эффективным связующим элементом повествования, «как бы “прошивающий” его длинными нитями устойчивых ассоциаций» [14, с. 49].

В алтайском эпосе встречается употребление прерывистого подхвата, когда есть необходимость внесения какой-либо уточняющей информации. Например, приведем отрывок, где между компонентами подхвата появляется вставка двух строк, несущих уточняющий характер о продолжительности действия: *Кан-Джекпей баатыр уул / Судур бичикти ачала, / Канча каандар, / Канча каандыктар керегинде / Түндү-түштү кычырып, / Түште болзо курсак жибей, / Түнде болзо уйкузын уйуктабай, / **Кычырып** отуар болды* [35, с. 25] ‘Кан-Джекпей баатыр / Книгу судур открыв, / Сколько ханов, / Сколько ханств, о них / Ночи-дни напролет **читал**, / Коль день наступит, еду не кушая, / Коль ночь наступит, в сон не погружаясь, / **Читал** сидел’. Между подхватываемыми глаголами *кычырып* ‘читал’ описывается обстоятельство действия, а именно то, что герой был поглощен этим процессом. Посредством использования прерывистого подхвата придается определенная экспрессия изображаемой картине. Созданию напряженности в приведенном отрывке способствуют и другие стилистические приемы. В начале строк дважды

повторяется слово *канча* ‘сколько’, показывая великое множество в изображении количества ханов и ханств, записанных в книге *судур*. Применение приема разложения парного слова *түндү-түшитү* ‘ночи-дни’ в последующих двух строках также указывает на большое количество времени, проведенного за чтением данной книги.

Использование прерывистого повтора-подхвата прослеживается в местах стыков с изображением длительно продолжающегося действия. Например, такой вид подхвата использован наряду с последовательным повтором в сказании «Кан-Джелбекей» кайчы Е. Таштамышевой: *Тенек кижии барјат. / Ол ло барган, ол ло барган / Јалангдöн барганы ла ол. / База ла көрөр болзо, / Ак тайганын бажына чыгала, / Көрөр болзо – / Көс јетпес көн чөл, / Ак тайганын алдында / Ак өргөд турган...* [23, с. 186] ‘Глупый человек идет. / [Он] шел, [он] шел / В сторону ушел. / Когда вновь посмотрел, / На вершину белой горы поднявшись, / Когда посмотрел – / Взору [открылась] необъятная широкая степь, / У подножия белой горы / Белый дворец стоял...’. Первое предложение приведенного отрывка завершается глаголом *барјат* (от гл. *барып јат*) ‘идет’, употребленным в настоящем времени. С его помощью выражена констатация факта. В следующей строке глагол *бар* ‘идти’ дважды повторяется в прошедшем времени с указательным местоимением *ол* ‘тот’ и усилительной частицей *ло* ‘и’. Использование многократного повтора делает акцент на то, что герой удаляется на большое расстояние. В третьей строке подхват глагола прерывается обстоятельством, указывающим направление действия. Далее в отрывке присутствует прерывистый повтор-подхват глагольной формы – *көрөр болзо* ‘когда посмотрел’. Он повторяется после обособленной логической паузы, которая используется для уточнения обстоятельства действия (*ак тайганын бажына чыгала* ‘на вершину белой горы поднявшись’). Таким образом, прерывистые подхваты включают отдельные подробности и детали.

Заключение

Повторы, используемые в алтайском эпосе, отличаются большим разнообразием. По количеству повторяемых единиц различаются повторы слов, словосочетаний, фраз, устойчивых формул или целых тирад, представляющих собой довольно объемные эпизоды.

В текстах героических сказаний повторы отдельных слов (*озо, эрте, деп, деди* и т. п.) и устойчивых формул встречаются часто и являются общеупотребительными. Наряду с общеизвестными для всего алтайского эпоса повторами каждый сказитель использует характерные только для его речи стилистические фигуры, которые подчеркивают индивидуальность поэтического языка. Следовательно, у каждого сказителя характер употребления повторов отличается.

Разные виды повторов выполняют определенные функции в эпическом произведении. Важную роль они играют как ритмообразующее средство. В зависимости от позиции повторяемых слов в эпическом стихе возникают стилистические приемы анафоры, эпифоры, эпанафоры, придающие особое звучание и мелодичность алтайским героическим сказаниям. Повторы слов чаще всего встречаются в последовательном порядке, однако нередко между компонентами вставляются дополнения, которые обрывают его, образуя прерывистые виды повторов.

Повторение отдельных слов и фраз позволяет выделить те места и детали, акцентирование которых необходимо в ходе повествования. За счет них усиливается значимость отдельных эпизодов эпического сюжета. В таких повторах подчеркиваются определенные детали для привлечения внимания слушателей.

Литература

1. Гордеева, Т. А., Башкова, Л. Р. Стилистические функции повтора и их роль в стихотворном тексте // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Орел, 26 марта 2018 г. – Орел : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 2018. – С. 71–77.

2. Радлов, В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен / собрания В. В. Радловым. Ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1885. – 599 с.
3. Поппе, Н. Н. Халха-монгольский героический эпос / ответственный редактор А. Н. Самойлович. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1937. – 128 с. – (Труды института востоковедения АН СССР. XXVI).
4. Пухов, И. В. Алтайский народный героический эпос // Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – Москва : Наука, 1973. – С. 8–60. – (Эпос народов СССР).
5. Неклюдов, С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. – Москва : Наука, 1984. – 310 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
6. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
7. Жирмунский, В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1962. – 435 с.
8. Лорд, А. Б. Сказитель / перевод с англ. и комментариев Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона ; послесловие Б. Н. Путилова ; статьи А. И. Зайцева, Ю. А. Клейнера. – Москва : Восточная литература, 1994. – 368 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
9. Путилов, Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. – Москва : Восточная литература, 1997. – 295 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
10. Райхл, К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / перевод с англ. В. Трейстер под редакцией Д. А. Функа – Москва : Восточная литература, 2008. – 383 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
11. Суразаков, С. С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское книжное издательство, 1961. – 180 с.
12. Каташев, С. М. Вопросы алтайского литературоведения и фольклористики. – Горно-Алтайск : Юч-Сумер-Белуха, 2009. – 352 с.
13. Шинжин, И. Б. Сквозь века и поколения сказителей. – Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2006. – 96 с.
14. Кудияров, А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. – Москва : ИМЛИ РАН, 2002. – 329 с.
15. Конунов, А. А. Стилиевые приемы в героическом эпосе «Алтай-Буучай» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2014. – № 1 (26). – С. 20–27.
16. Петренко, А. Ф., Петренко, С. А., Орлова, Н. А. О многоплановости приема повтора-подхвата в дискурсе художественного текста // Казанская наука. – 2019. – № 10. – С. 97–99.
17. Куликова, З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
18. Сковородников, А. П. Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление // Филологические науки. – 1984. – № 5. – С. 71–76.
19. Кан-Капчыкай // Алтай баатырлар. Т. XII. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 1995. С. 9–128. (На алт. яз.)
20. Катан-Кёкшин ле Катан-Мерген // Алтай баатырлар. Т. V. – Горно-Алтайск : АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2019. – С. 474–623. (На алтайском яз.)
21. Алтайские народные сказки / составитель-переводчик, автор вступительной статьи, примечаний и комментариев, словаря непереведённых слов, списка сокращений, списка источников и литературы М. А. Демчинова. – Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2016. – 352 с.
22. Алтай соојындар ла кеп-куучындар: Алтай албатынын оос жайааны / составитель Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1994. – 416 с. (На алтайском яз.)
23. Кан-Желбекей // Алтай баатырлар. Т. XVI. – Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2018. – С. 182–201. (На алтайском яз.)
24. Шулмус-Шуны // Алтай баатырлар. Т. IV. – Горно-Алтайск : АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2021. – С. 5–52. (На алтайском яз.)

25. Алып-Манаш // Алтай баатырлар. Т. II. – Горно-Алтайск : АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2019. – С. 31–74. (На алтайском яз.)
26. Кара-Бөккө // Алтай баатырлар. Т. XVI. – Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2018. – С. 240–265. (На алтайском яз.)
27. Маадай-Кара // Алтай баатырлар. Т. XIV. – Горно-Алтайск : ОАО «Горно-Алтайская типография», 2008. – С. 8–201. (На алтайском яз.)
28. Казагачева, З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. – Горно-Алтайск : ОАО «Горно-Алтайская типография», 2002. – 352 с.
29. Гаспаров, М. Л. Анадиплосис // Литературный энциклопедический словарь / под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – С. 22.
30. Емельянова, О. Н., Копнина, Г. А. Анадиплосис // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под редакцией А. П. Сковородникова. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – С. 33–34.
31. Борисов, Ю. П. Анадиплосис как средство когезии: локативно-темпоральные связи эпического повествования олонхо // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 4 (22). – С. 9–20. DOI : 10.23951/2307-6119-2018-4-9-20.
32. Тектебей-Мерген // Алтай баатырлар. Т. I. – Горно-Алтайск : БУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2016. – С. 38–37. (На алтайском яз.)
33. Кан-Капчыкай // Алтай баатырлар. Т. VIII. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1974. – С. 6–52. (На алтайском яз.)
34. Кан-Жекпей // Алтай баатырлар. Т. XVIII. – Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2021. – С. 16–32. (На алтайском яз.)
35. Кан-Бүдей // Алтай баатырлар. Т. I. – Горно-Алтайск : БУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2016. – С. 14–37. (На алтайском яз.)

References

1. Gordeeva, T. A., Bashkova, L. R. Stylistic functions of the repetition and their role in a poetic text. In: Problems of linguistics, methods of teaching foreign languages and literary studies in the light of intercultural communication: proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Orel, 26 March 2018. Orel, I. S. Turgenev Orel State University Publ., 2018, pp. 71–77. (In Russ.)
2. Radlov, V. V. Samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Collected by V. V. Radlov. Part. 5. Dialect of the wild-stone Kirghiz people. Saint Petersburg, Tipography of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1885, 599 p. (In Altai and Russ.)
3. Poppe, N. N. Khalkha-Mongolian heroic epic. Responsible editor A. N. Samoilovich. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, 128 p. (Works of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. 26). (In Russ.)
4. Pukhov, I. V. Altai folk heroic epic. In: Maadaï Kara. Altai heroic epic. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 8–60. (Epic of the peoples of the USSR). (In Russ.)
5. Neklyudov, S. Yu. Heroic epic of Mongolian peoples. Oral and literary traditions. Moscow, Nauka Publ., 1984, 310 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.)
6. Meletinskii, E. M. Origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments. Moscow, Oriental Literature Publ., 2004, 462 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.)
7. Zhirmunskii, V. M. Folk heroic epic. Comparative-historical essays. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1962, 435 p. (In Russ.)
8. Lord, A. B. Storyteller. Translation from English and commentary by Y. A. Kleiner and G. A. Levinton; afterword by B. N. Putilov; articles by A. I. Zaitsev, Y. A. Kleiner. Moscow, Oriental Literature Publ., 1994, 368 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.)
9. Putilov, B. N. Epic storytelling: Typology and ethnic specificity. Moscow, Oriental Literature Publ., 1997, 295 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.)
10. Reichl, K. Turkic epic: traditions, forms, poetic structure. Translated from English by V. Traister, edited by D. A. Funk. Moscow, Oriental Literature Publ., 2008, 383 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.)

11. Surazakov, S. S. Heroic tale of Bogatyr Altay-Buuchay. Gorno-Altai, Gorno-Altai Book Publ., 1961, 180 p. (In Russ.)
12. Katashev, S. M. Issues of Altai literature and folklore studies. Gorno-Altai, Yuch-Sumer-Belukha Publ., 2009, 352 p. (In Russ.)
13. Shinzhin, I. B. Through centuries and generations of storytellers. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ., 2006, 96 p. (In Russ.)
14. Kudiyarov, A. V. Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002, 329 p. (In Russ.)
15. Konunov, A. A. Stylistic techniques in the heroic epic “Altay-Buchay”. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2014, no. 1 (26), pp. 20–27. (In Russ.)
16. Petrenko, A. F., Petrenko, S. A., Orlova, N. A. On multiple functions of anadiplosis in the discourse of a literary text. *Kazan Science*. 2019, no. 10, pp. 97–99. (In Russ.)
17. Kulikova, Z. P. Repetition as a means of expressiveness and harmonisation of poetic texts by M. Tsvetaeva and R. M. Rilke. Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2007, 24 p. (In Russ.)
18. Skovorodnikov, A. P. Position-lexical repetition as a stylistic phenomenon. *Philological Sciences*. 1984, no. 5, pp. 71–76. (In Russ.)
19. Kan-Kapchykai. In: Altai baatyr. Vol. 12. Gorno-Altai, Gorno-Altai tipography, 1995, pp. 9–128. (In Altai)
20. Katan-Kokshin and Katan-Mergen. In: Altai baatyr. Vol. 5. Gorno-Altai, Literary and Publ. House “Altyn-Tuu”, 2019, pp. 474–623. (In Altai)
21. Altai folk tales / compiler, translator, author of the introductory article, notes and comments, dictionary of untranslated words, list of abbreviations, list of sources and literature M. A. Demchinova. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ., 2016, 352 p. (In Altai)
22. Altai myths and legends. Oral creativity of the Altai people. Compilers E. E. Yamaeva, I. B. Shinzhin. Gorno-Altai, Ak Chechek Publ., 1994, 416 p. (In Altai)
23. Kan-Jelbekei. In: Altai baatyr. Vol. 16. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ., 2018, pp. 182–201. (In Altai)
24. Shulmus-Shuny. In: Altai baatyr. Vol. 4. Gorno-Altai, Literary and Publ. House “Altyn-Tuu”, 2021, pp. 5–52. (In Altai)
25. Ayp-Manash. In: Altai baatyr. Vol. 2. Gorno-Altai, Literary and Publ. House “Altyn-Tuu”, 2019, pp. 31–74. (In Altai)
26. Kara-Boko. In: Altai baatyr. Vol. 16. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ., 2018, pp. 240–265. (In Altai)
27. Maadai-Kara. In: Altai baatyr. Vol. 14. Gorno-Altai, Gorno-Altai tipography, 2008, pp. 8–201. (In Altai)
28. Kazagacheva, Z. S. Altaic heroic tales “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn”. (Aspects of textology and translation). Gorno-Altai, Gorno-Altai tipography, 2002, 352 p. (In Russ.)
29. Gasparov, M. L. Anadiplosis. Literary Encyclopaedic Dictionary. Edited by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1987, pp. 22. (In Russ.)
30. Emelyanova, O. N., Kopnina, G. A. Anadiplosis. Encyclopaedic dictionary-guide. Expressive means of the Russian language and speech errors and mistakes. Edited by A. P. Skovorodnikov. Moscow, FLINTA Publ., 2011, pp. 33–34. (In Russ.)
31. Borisov, Yu. P. Anadiplosis as a means of cohesion: the locative-temporal relations of epic narrative of olonkho. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*. 2018, no. 4 (22), pp. 9–20. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-4-9-20. (In Russ.)
32. Tektebei-Mergen. In: Altai baatyr. Vol. 1. Gorno-Altai, Literary and Publ. House “Altyn-Tuu”, 2016, pp. 38–37. (In Altai)
33. Kan-Kapchykai. In: Altai baatyr. Vol. 8. Gorno-Altai, Gorno-Altai Branch of Altai Book Publ. House, 1974, pp. 6–52. (In Altai)
34. Kan-Jekpei. In: Altai baatyr. Vol. 18. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ., 2021, pp. 16–32. (In Altai)
35. Kan-Budei. In: Altai baatyr. Vol. 1. Gorno-Altai, Literary and Publ. House “Altyn-Tuu”, 2016, pp. 14–37. (In Altai)